
Д. Л. РОДЗИНСКИЙ

МИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЦИОНАЛИЗМА¹

В статье исследуются мистические основания феномена рациональности. Для этого в обобщенном виде определяются сущность мистики и способ ее проявления в онтологии, антропологии и гносеологии в виде одного из фундаментальных законов философии. Устанавливается связь этого закона с Абсолютом и разумом человека, после чего выявляются два их состояния – покой и активность. Самоподобие активного состояния покоя объясняется их единой структурной организацией, получившей в рамках строго организованного знания название рациональности. Определение феномена рациональности рождает логическую связь между ее мистическими основаниями, мышлением разума и универсальными кодами культуры.

Ключевые слова: Абсолют, пустота, закон, разум, мистика, рациональность, сон, коды культуры, идея, схема, образ, знак.

The article examines the mystical foundations of the phenomenon of rationality. For this purpose, the phenomenon of mysticism and the method of its manifestation in ontology and gnoseology in the form of the law of unity and the struggle of opposites are determined in a generalized form. The connection of this law with the Absolute and the mind of man is established, after which two of his states are revealed: peace and thinking. The self-similarity of thinking and peace of mind is explained by their single structural organization, called rationality. The definition of rationality establishes a link between its mystical foundations, the cognitive properties of the mind and the universal codes of culture.

Keywords: Absolute, emptiness, law, reason, mysticism, rationality, sleep, culture codes, idea, scheme, image, sign.

---

¹ **Для цитирования:** Родзинский Д. Л. Мистические основания рационализма // Философия и общество. 2023. № 4. С. 90–103. DOI: 10.30884/jfio/2023.04.06.

For citation: Rodzinsky D. L. Mystical Foundations of Rationalism // *Filosofiya i obshchestvo* = Philosophy and Society. 2023. No. 4. Pp. 90–103. DOI: 10.30884/jfio/2023.04.06 (in Russian).

Актуальность темы. Мистику очень часто отделяют от философии как системного мировоззрения, лишая ее главного атрибута – рациональности. На наш взгляд, данная проблема связана чаще всего с обширным толкованием самой мистики, многообразие видов которой можно условно разделить на ее «положительную» форму и «отрицательную». Отличие их связано в основном с абсолютизацией предельной формы обобщения – бытия либо небытия. Однако главной трудностью здесь выступает до конца неформенное представление о том, что такое сама рациональность, которая объединяет, на наш взгляд, не только философию с наукой, но и все отрасли культуры. Нашей задачей становится попытка обнаружить в недрах обобщенных форм мистики истоки рациональности, которые позволят нам найти их общность, приближая, таким образом, конвергенцию современной постмодернистской культуры к высшему принципу знания – синкретизму, в котором так нуждается современное мировоззрение.

Связь мистики с рациональностью. Обратимся к анализу мистического мировоззрения в философии, для того чтобы, определив его природу, найти в нем истоки зарождающейся рациональности. Для этого обратимся к авторитетным исследователям мистицизма, взгляды которых в обобщенном виде дают рабочее определение мистицизма. Метод обобщения предполагает из всего многообразия представлений о мистике выбрать лишь те частные определения, которые отражают ее важнейшее свойство.

Так, в статье из Британской энциклопедии, исследующей мистику, утверждается, что «ни одно определение не может охватить все аспекты мистицизма». В. С. Соловьев помещает в основание мистики особый род обобщения, допускающий возможность непосредственного общения между познающим субъектом и абсолютным предметом познания [Мистика... 1896]. Н. А. Бердяев, в свою очередь, утверждает, что все истоки человеческого бытия мистичны [Бердяев 1907]. С. С. Аверинцеву мистика представляется религиозной практикой, имеющей цель пережить в экстазе непосредственное «единение» с Абсолютом [Философский... 1989]. Похожий взгляд мы находим у У. Стейса, который полагал, что мистицизм связан с опытом достижения непосредственного ощущения Единства, или тождественности, лишенной внутреннего разнообразия [Stace 1986]. Хотелось бы подвести черту краткому погружению в мистицизм классиков взглядом К. Г. Юнга, полагавшего, что «человек заперт в своем уме и не может ступить за его пределы

даже в состоянии безумия. А образы мира и богов определяются лишь состоянием его ума» [Эванс-Вентц 1998].

В современной литературе эта тема тоже не лишена внимания. Среди работ, в разной степени исследующих этот вопрос, необходимо упомянуть статьи В. К. Шохина [2017], М. Стобера [2017], П. Г. Носачева [2017], монографию Т. В. Малевича [2014]. Однако их оказывается недостаточно для того, чтобы пролить свет на связи мистики и рациональности. Поэтому, опираясь на предложенные концепты и современные работы, дадим рабочее определение мистики. Мистика связана со способностью человеческого разума предельно обобщенно посмотреть на мир и самого себя «глазами» бесконечного Абсолюта, в результате чего открывается подлинная природа всего, имеющая единство содержания, но множественность форм своего проявления [Родзинский 2020]. Это значит, что главным рациональным свойством Абсолюта становится его единство. Подобное определение мистики приводит нас к формуле: единое выступает предельным выражением моего «я», а мое «я» становится ограничением бесконечно единого Абсолюта. Так как в мистике лежит феномен бесконечности, то его ограничение приводит философию к рациональному понятию единства. Феномен единства характеризует количественный аспект отношений субъекта к возможной бесконечности себя и мира. А в связи с тем, что мистическая бесконечность часто связана с качественными ее именами – Абсолюта, Блага, Единого, Дао, Бога, Брахмана и др., то в философской рациональности все они принимают предельно обобщенное свойство Высшего закона единства и борьбы противоположностей.

Тотальным, а следовательно, универсальным законом, описывающим причину возникновения всего: материи и сознания, природы и культуры, эволюции и истории, – становится **закон единства и борьбы противоположностей**. Опираясь на него как на абсолютное начало, субстанцию, мы рационально опишем и объясним буквально все, что получает в мире понятие «многообразие», все, что на первый взгляд не гармонирует между собой, а на самом деле является продолжением одного начала.

Для этого выявим объяснительную силу закона единства и борьбы противоположностей как идеала единства знания, обнаруживающего себя исключительно только в Пустоте, чья вечность и бесконечность для самого пытливого ума после критического ее анализа становится тем бесспорным и универсальным началом, кото-

рое искало человечество с незапамятных времен. И действительно, человечество во все времена вело поиск совершенного знания, способного дать ответы на все фундаментальные вопросы бытия и мышления о нем. Однако необходимо согласиться, что несовершенно знание, которое рано или поздно не приходит к единству; но несовершенно и то единство, которое, в конечном счете, не приходит к пустоте как идеалу единства; вместе с тем несовершенна и та пустота, которая не относится к вечности и бесконечности. Это значит, что вечная и бесконечная Пустота становится идеалом универсального единства, которое в онтологическом, в гносеологическом, как, впрочем, и в других отношениях, представляет собой Высший закон единства и борьбы противоположностей.

Поиск универсального начала мышления обязывает найти **«место пребывания» закона единства и борьбы противоположностей в разуме человека** как «органе» мышления. «Территорией» бытия закона единства становится то состояние разума, которое называется глубоким сном, или сном без сновидений. И действительно, при кратком, а затем и более глубоком анализе сна без снов мы обнаруживаем его родство с вечной и бесконечной Пустотой, которая роднит все некогда жившее, ныне живущее и в равной степени будущие поколения людей, сознание которых выходит из единого корня – Пустоты сна без сновидений. Приводя параллели с наукой, мы вправе метафорично сравнить бесконечную пустоту спящего без снов разума человека с точкой сингулярности бесконечного преломления времени и пространства, из которой произошел Большой взрыв, в современной космологии. А в биологии пустоту разума следует сравнить с тем изначальным и универсальным геном, из которого стала развиваться двойная спиралевидная цепочка ДНК, присущая в равной мере, но с разным содержанием растительному, животному и человеческому мирам.

Возникает вопрос: какая связь единого корня всего – пустоты разума во сне без снов – с генезисом мышления? Дело в том, что у единой бесконечно-вечной Пустоты, по закону единства и борьбы противоположностей, обнаруживается два состояния: пока Пустота едина, она покойна, вечна и бесконечна. Как только, согласно закону, возникает ее противоположность, она обретает движение, время и ограниченность. Движение становится противоположностью покоя разума, а временность и ограниченность направленного (интенционального) мышления – противоположностью вечной и бесконечной пустоты разума во сне без снов. В этой связи можно

сделать вполне обоснованное предположение, что пока разум человека пребывает в вечной и бесконечной Пустоте сна без сновидений, пространственные и временные параметры которого становятся идеальными или абсолютными, он обладает своей бессмертной душой. Пустота разума человека во сне без сновидений становится подлинной природой и окончательной нашей сущностью, которая не только разрешает главную задачу человечества, связанную с самопознанием, но и объединяет всех людей на Земле, живших, ныне живущих и будущие поколения. Таким образом, идентичность отдельно взятого человека и всего человечества найдена. Разум всех людей во сне без снов становится бытийственным и когнитивным началом поиска мистической рациональности, предельная оптимизация которой находит свое основание исключительно в универсальной Пустоте.

Связь разума с Абсолютом. В мистике раздвоение единства пустоты сна без снов на борьбу противоположностей рождает два его состояния – «абсолютное» и «относительное». Под первым подразумевается Абсолют, а под вторым – его производное, разум человека в бодрствующем его состоянии или сновидениях. Таким образом, разум человека – это ограниченный и временный Абсолют, а Абсолют – это бесконечный и вечный разум. Если Абсолют покоен и бесконечен, то в отличие от него разуму человека присущи два противоположных устремления. Первое – непреодолимая тяга разума человека раствориться в бесконечном всемогущем божественном Абсолюте Пустоты, достигнув беспредельно блаженного состояния высшего счастья, свободы, покоя и вечности, то есть собственной бесконечности, утратив при этом ощущения экзистенциальной тревоги, возникающей в силу ограничения самосознанием пределов собственного Я, замутненного чувствами эго. Второе стремление связано с желанием преодолеть абсолютное состояние разума как ограничившего себя множеством недостатков персонального Я. Но если первое устремление еще можно понять, ведь, согласно Аристотелю, все люди во все времена сознательно или бессознательно стремятся стать счастливыми и совершенными, то второе – непонятно. Зачем совершенному человеческому разуму, который стал Абсолютом, возвращаться назад в ограниченный пространством и временем разум человека? Для Абсолюта становится «развлечением», «спектаклем», «игрой», «зрелищем» (в зависимости от философской системы) смотреть на себя со стороны, превращая бесконечность своего абсолютного состояния в рацио-

нальные формы самовыражения множественных разумов людей. Разум человека, постигнув свою пустотную природу, преобразует свою абсолютную (вечную и бесконечную) свободу во временные и ограниченные формы творческого мышления, лучшие результаты которого становятся достоянием мировой культуры. Вся мировая культура, оставаясь производным и неизбежным продолжением мистического идеала рациональности – вечной и бесконечной пустоты сна без снов, несет на себе ее «онтологическую и когнитивную» печать.

Для обоснования наших суждений проведем две операции. Первая из них продемонстрирует пустотную природу разума человека в активных формах его предельного самопознания. Она же укажет на рациональную структурную организацию разума, остающегося коррелятом своей высшей природы – Пустоты. Вторая операция призвана, согласно закону единства и исходящего из него принципа подобия, связать пустотную природу разума человека с идеальной формулой рациональности, демонстрируя их самоподобие. Прделаем это.

Пустота сна без сновидений как предельное основание самопознания разума. Пустота беспредпосылочна, вечна и потому самобытна. В своем противоположном виде она сохраняет свою ограниченную временем и пространством самобытность в виде высшего свойства разума – интуиции, которая во многом едина с Пустотой. Это единство проявляется в том, что интуиция спонтанно возникает из пустоты разума, извлекает из нее идею как смысл чем-то быть, иначе говоря, отличаться от пустоты, а затем вновь растворяется в ней. Таким образом, мгновенное интуитивное прозрение разума становится проявлением закона единства и борьбы противоположностей вечной и бесконечной Пустоты, частью которой выступает сон без сновидений разума человека.

Пустота в своей организации идеально проста, так как нет ничего проще Пустоты, как, впрочем, нет ничего бессодержательнее простоты. Это значит, что Пустота проста, а высшая простота пуста. Единством противоположности простоты выступает сложность, которая соединена с логикой рассудочного мышления. Логика становится инструментом рассудка мыслить последовательно и непротиворечиво, двигаясь от простого к сложному и наоборот. Рассудок разума становится вторым по степени значимости в познании единства всех уровней сложности, возвращающих себе логичным мышлением свою изначальную простоту. Таким образом,

рассудок разума становится следующим проявлением закона единства и борьбы противоположностей, соединяющего простоту сна без сновидений с любой сложностью.

Пустота по своему состоянию пребывает в совершенном покое, из которого исходит всякое движение и в него же возвращается как в свою противоположность. Часть разума, которая во всем ищет покой реализованности, покой осуществленности и покой удовлетворенности, может быть только инстинктом. Бессознательный импульс инстинктивного побуждения проявляет себя в обеспечении самосохранения, жажде любви и демонстрации агрессии. Во всех этих движениях инстинктов разум видит только способы вернуть себе утраченный изначальный покой. Таким образом, инстинкты разума становятся следующим проявлением закона единства и борьбы противоположностей, связывающего изначальный покой сна без сновидений с его движениями.

Пустота бесконечна в своих размерах, поэтому, когда она превращается в разум человека, то, согласно закону Единства, ограничивается дробными свойствами телесных чувств, специфика познания которых связана только со своими ограниченными ощущениями: видеть, слышать, осязать, обонять, вкушать. Так дифференцированные ощущения телесных чувств разума становятся инструментом познания множественно проявляющегося бытия, мышление о котором рано или поздно должно вернуть ему связь с бесконечной Пустотой. Таким образом, телесные чувства разума становятся очередным проявлением закона Единства и борьбы противоположностей, связывающего его изначальную бесконечность с чувственными ограничениями.

Итогом последних оснований самопознания разума становится образ абсолютной Пустоты, с которым сталкивается человек во сне без сновидений в качестве своей сущности, природы.

Исследуем теперь разумную природу рациональности в мистике. Пустота для интуитивной части разума играет роль идеи всех идей. Иначе говоря, все идеи разума должны содержаться в его пустоте и от нее зависеть, как от универсального условия или Высшей идеи, объединяющей собой все другие идеи. Поэтому безмолвие пустоты разума для интуиции становится идеальной целью. Это значит, что интуитивно схваченная целесообразность Пустоты обеспечивает ей роль универсального «места» бытия всех идей. Целесообразность пустоты становится первым и высшим аспектом мистической рациональности.

Пустота разума идеально проста для рассудка, поэтому простота становится идеальной для него схемой. Благодаря логическому мышлению рассудок способен превратить простоту в любую степень схематической сложности, как, впрочем, и наоборот: любая сложность схемы логически сводится к своей изначальной простоте. Здесь любая сложность – это хорошо запутанная простота. Это значит, что рассудочная природа логической схемы становится вторым аспектом мистической рациональности.

Пустота разума выступает идеальным покоем для импульсивных инстинктов, поэтому покой разума остается основой для идеального алгоритма, упорядочивающего и контролирующего спонтанность инстинктов. Это значит, что алгоритм как способ упорядочивания и контроля инстинктов становится третьим аспектом мистической рациональности.

Пустота разума бесконечна в своем потенциале воспроизводить ограниченные временем и пространством формы чувственно воспринимаемого бытия. Для телесных чувств пустота разума становится непроявленным источником «вечного двигателя», творящего динамическое множество чувственно ограниченного бытия. Связь между бесконечностью разума в глубоком сне и его способностью воспринимать или создавать ограниченные формы бытия становится мерой его эффективности к познанию или творчеству. Это значит, что эффективность разума проявляется в способности в бесконечном видеть ограниченное, а в ограниченном – бесконечное. Эффективность становится четвертым аспектом мистической рациональности.

Общий вывод к проблеме рациональности в мистике может гласить, что пустота, простота, покой и бесконечность разума человека во сне без сновидений становится тайным или бессознательным основанием самоподобных свойств проявленной в мышлении рациональности: целеполагания, схематизма, алгоритма и эффективности.

Рождение сознания. Перенесем теперь мистику разума в физику сознания. Пробуждение или нисхождение разума из своей истинной природы – пустоты глубокого сна – связано с поэтапным переходом его единства во множественность состояний, его вечности – во временное состояние, а его покоя – в направленное движение мышления. Этот процесс образует «разницу потенциалов» между двумя его противоположными состояниями – покоя и мышления.

В возбужденном состоянии «разница потенциалов» разума образует поле напряжения, которое, подобно электромагнитному полю Вселенной, способно совершать работу. Если работа электромагнитного поля Вселенной связана с реликтовым излучением, остывание которого после взрыва ведет к рождению галактик, звездных систем, планеты Земля и живых организмов, то работа «электромагнитного поля» разума, именуемого бессознательным, рождает из этого излучения диапазон самоподобных ощущений, играющих роль сигналов для процесса их осмысления.

Пустотная природа культуры в мистике. Сигналы ощущаемы, и поэтому они лежат в основании всякого осмысления как процесса мышления. Что такое ощущение? Ощущение – это результат разницы потенциалов воздействия энергии Целого на свою часть. Под энергией Целого подразумевается вечная и бесконечная Пустота, которая проявляется в разуме в виде сна без сновидений. Под энергией части подразумевается пробудившийся от сна разум, ограниченность которого пространством и временем испытывает на себе давление Целого. Отношения между Целым и его частями определяется законом единства и борьбы противоположностей. Специфическая особенность пространственно-временного ощущения принимает свойство обобщенного сигнала, который в концентрированном виде несет в себе признаки давления целого на свои части, иначе говоря, ощущаемого бытия [Френкс 1974]. Сигнал имеет природную силу энергии, и он в равной мере воздействует на мир, вызывая в нем ответную реакцию. Поэтому под воздействием сигнала тепла лед тает, а вода на морозе превращается в лед. Воздействие сигнала на сознание превращает его в обобщенный телесными чувствами окультуренный знак.

Знак – это окультуренный обобщением природный сигнал, бытие которого связано с пространственно-временным ощущением разницы потенциалов между покоем разума и его движением в мышлении. Количество сигналов бытия огромно, это множество, которое стремится к бесконечности. Однако количество знаков, осмысляющих энергию сигналов, строго ограничено. К ним относятся буквы, цифры, ноты, иероглифы и т. п. Если сигнал – это бессознательно обобщенное ощущение в виде боли, голода и т. п., то знак – это сознательно обобщенный сигнал в виде букв, слов, музыки и т. п. Сигналы – это сфера бессознательного, знаки – сфера сознания [Гриненко 2010]. Визуальные сигналы превращаются в обобщенном виде сознания в буквы и цифры, звуковые сигналы – в слова

и речь. Совокупность звуков рождает слова, совокупность слов – речь. Речь, совместная с буквами алфавита, рождает язык. Языком становятся окультуренные сознанием осмысленные сигналы бытия. Сознание можно измерять количественными и качественными параметрами.

Качество сознания, осмысляющего сигналы в мышлении, зависит не только от количества знаков, но и от количества возможных комбинаций между ними. Развитый язык становится одним из признаков развитого сознания [Норман 2009]. Так, например, Маугли, ребенок, выращенный в звериной стае, имеет качество сознания, приближенное к животным. Зато качество сознания человека, его менталитет, зависит от комбинации его генетического родового потенциала и степени его образованности. Иначе говоря, количественно измеряемая погруженность в широту и глубину культурных традиций, освоение которых происходит в знаках, рождает качественное понятие разума. Это значит, что культура, как традиция, передаваемая из поколения в поколение посредством знаков, символов и образов, выступает искусственным звеном, связывающим активный разум человека с его изначальной природой – пустотой сна без сновидений, играющего роль «дома» или «Родины» для зарождающегося бытия пробужденного разума. Таким образом, рождение моральной культуры связано с появлением первого ее кода – знака, в котором телесные чувства противоположны бесконечности разума во сне без сновидений и остаются проявлением в нем закона единства и борьбы противоположностей.

Образованность, как глубина и широта освоенных традиций, придает каждому знаку как искусственной форме сигнала свою виртуальную память, именуемую «символом». Символ – это нагруженный «культурной памятью» знак. Чем выше «культурная память» или образованность человека, тем богаче в своем значении и интерпретации знак. Так, например, звезда в качестве знака имеет свои символические значения в иудейской, русской, американской культурах, несмотря на то, что архетип у них один. Сам по себе знак перестает иметь фундаментальное значение, так как его условная ценность в конечном счете сводится к возбуждению символизма «культурной памяти». Именно она определяет степень развитости мышления на первом уровне его проявления.

Общественная мораль как сумма нормативов формирует сознание человека во многом благодаря знаковому влиянию на его внешние чувства. Сильно развитое отвлеченное мышление «куль-

турной памяти» отрывается от условности знаков и благодаря их символизму формирует воображаемые образы внутреннего мира.

Так, если знаковая обращенность к культуре происходит благодаря телесным чувствам, то восхождение к воображаемым образам связано с доминантой родовой архетипической памяти коллективного бессознательного. Родовая память коренится в геноме человека и принадлежит инстинктам, во многом выработанным привычками предыдущих поколений. Архетипический образ, согласно К. Г. Юнгу, это психическая кристаллическая решетка, структура которой хранит в себе в закодированном виде знания предков. В образах коренится символическое мышление рода. Если знаки благодаря чувствам погружают человека в морально-социальный мир злободневных отношений, то воображаемые образы формируют в нем художественный мир внутренних переживаний, эстетическая значимость которых стремится выразить себя в различных искусствах. Таким образом, рождение художественной культуры связано с появлением второго ее кода – образа, в котором инстинктивное движение коллективного бессознательного противоположно покою разума во сне без сновидений и остается проявлением в нем закона единства и борьбы противоположностей.

Образное мышление как код культуры имеет свои слабую и сильную стороны. Абстрактность и неопределенность родовых образов становится великолепным материалом для искусств, в которых их пластичность, воплощаясь в ассоциативный ряд, рождает галерею их видового разнообразия, склонного к все новым интерпретациям старых содержаний. В этом видовое богатство прочтения художественных произведений, где единого мнения добиться крайне сложно. У каждого человека свой эстетический вкус, представленный ассоциативными рядами образов, из которых складывается и художественный вымысел. Искусства питаются вымыслом мимолетно навеянных образов, которые становятся негодными в случае попытки точного их прочтения.

Возникает закономерный вопрос: при всей абстрактности образного мышления, где взять точность передачи мысли? Где обрести ее запечатленный каркас однозначного прочтения? Ведь культура подразумевает еще и наличие объективного знания, которое находит свое начало в рациональном стиле мышления. Это происходит в тот момент, когда художественный образ подвергается аналитической обработке. В ней выявляются множественные причинно-следственные связи, переплетенность которых вдоль и по-

перек рождает понятие сложной структуры [Мамчур и др. 1989]. Структура имеет сложную логику организации последовательного прочтения художественного образа. Единство образа и структуры в том, что они объемны и несут общий смысл. Фундаментальное их отличие в том, что образ воображаем, ибо коренится в родовой памяти коллективного бессознательного. Структура же носит уже реальное выражение и поэтому поддается логическому описанию, становясь уделом логики рассудка. Рассудок в сложной структуре обнаруживает множество «переплетающихся» схем, формирующих их объем. В сочетании схем рассудок наводит порядок, систематизируя и иерархизируя их. Получается, что сложно организованная структура отвечает на вызов времени одной из возможных своих схем, которая способна меняться на иную, если вызов обстоятельств меняется. Так что рассудочная плоская схема остается упрощенной проекцией многомерной структуры. Схематизм рассудочного мышления выступает основанием как для философской теории, так и для научной. Таким образом, рождение рациональной культуры философии и науки связано с появлением третьего ее кода – схемы, обязанной своим происхождением рассудку, логика которого противоположна простоте разума во сне без сновидений и выступает проявлением в нем закона единства и борьбы противоположностей.

Логика рассудочного мышления, пытаясь максимально упростить сложное в схеме, стремится к предельно краткому ее изложению в принципе. Общее схемы и принципа в том, что они, будучи подобны друг другу, выражают один смысл. Их отличием выступает то, что принцип является статичным выражением динамичной схемы. Отношения принципа и схемы можно метафорично сравнить с покоящейся осью, вокруг которой вращается обод колеса. Несмотря на то что принцип выступает началом логического знания, он не беспредпосылочен. В основании принципа лежит умопостигаемая идея (эйдос), созерцаемая высшей частью разума – интуицией.

Интуитивно схваченная идея становится носителем смысла, отличного от Пустоты, создающей условия содержания всех прочих идей. Высшей идеей, содержащей в себе все прочие идеи, в религиозных мировоззрениях выступает Бог. Каждая идея выражает смысл принципа в одном слове, например: дом, стол, дерево. Это значит, что все, что существует, имеет свой смысл. Смысл идеи, связанный с другими идеями, обретает функцию, отражающую эти

отношения в принципе. Принцип как функция определяется уже не одним словом, как идея, а несколькими словами или целым предложением. Примером может служить принцип «подобное стремится к подобному» или «все в одном». Таким образом, рождение духовной культуры связано с появлением четвертого ее кода – идеи, обязанной своим происхождением интуиции, которая противоположна пустоте разума во сне без сновидений и возникает благодаря закону единства и борьбы противоположностей.

Следует подвести общий итог нашему исследованию, посвященному поиску мистических оснований рациональности.

Во-первых, нам удалось связать мистику с одной из главных форм ее упрощенного выражения – феноменом единства, который благодаря методу обобщения трансформируется в Высший закон единства и борьбы противоположностей, в равной мере относящийся как к положительной, так и к отрицательной форме ее выражения.

Во-вторых, была продемонстрирована связь закона единства с «отрицательной» мистикой, высшей формой рационального выражения которой выступают пустота, простота, покой и бесконечность Абсолюта, как природой разума человека во сне без сновидений.

В-третьих, была предложена версия того, что пустотная природа разума человека становится критерием зарождающейся мистической рациональности, которая в активном мышлении обретает стройную и подобную Пустоте организацию в виде целесообразности, схематизма, алгоритма и эффективности.

В-четвертых, удалось последовательно и логично связать пустотные основания рациональности во сне без сновидений со способностями разума человека в активности, который благодаря своему мышлению превращает мистическую формулу рациональности в подобные им коды культуры – идеи, схемы, образы и знаки. Тем самым была обоснована пустотная природа основных отраслей культуры.

Литература

Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб. : Изд. М. В. Пирожкова, 1907.

Гриненко Г. В. Знак // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / предс. науч.-ред. совета В. С. Степин. М. : Мысль, 2010.

Малевич Т. В. Теории мистического опыта: историография и перспективы. М. : ИФРАН, 2014.

Мамчур Е. А., Овчинников Н. Ф., Уемов А. И. Принцип простоты и меры сложности. М. : Наука, 1989.

Мистика и мистицизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 37. СПб. : Типо-литография И. А. Ефрона, 1896.

Норман Б. Ю. Теория языка. Вводный курс. М. : Флинта, Наука, 2009.

Носачев П. Г. Многообразие мистического: «мистика» и «мистицизм» в западном эзотеризме конца XIX – начала XX века // *Философия религии: аналитические исследования*. 2017. Т. 2. № 1. С. 5–29.

Родзинский Д. Л. Абсолютный код культуры и фрактальная теория мышления. М. : URSS, 2020.

Стобер М. Компаративные исследования мистицизма // *Философия религии: аналитические исследования*. 2017. Т. 1. № 1. С. 46–87.

Философский энциклопедический словарь / под ред. С. Аверинцева и др. М. : Советская энциклопедия, 1989.

Френкс Л. Теория сигналов. М. : Сов. радио, 1974.

Шохин В. К. Определения мистического: Первый опыт экспозиции // *Философия религии: аналитические исследования*. 2017. Т. 1. № 1. С. 7–29.

Эванс-Вентц У. Й. Тибетская книга о Великом Освобождении, или Достижение нирваны путем познания ума. Самара : Агни, 1998.

Stace W. T. *Mysticism* // *Encyclopedia Americana* / ed. by B. S. Cayne. Vol. 19. Danbury : Grolier, 1986.